

АВТОРИТАРНЫЙ ПОПУЛИЗМ

Данило Дзоло

Данило Дзоло — политический теоретик; профессор философии и социологии права в Университете Флоренции. Автор книг: «Демократия и сложность: реалистический подход» (1987), «Космополис: перспективы мирового правительства» (1995), «Взывая к человечности: война, закон и глобальный порядок» (2000)

■ *Современное государство сталкивается с новыми вызовами. Ответы на новые угрозы привели к усложнению общественных отношений — росту прямого, «ручного» управления, усилению веса спецслужб, массовой истерии вокруг вопросов безопасности. Как трансформирует это объективное нарастание угроз демократическую природу современных государств?*

Безусловно, новые вызовы меняют отношения между тем, что когда-то называлось *civil society*, и централизованными структурами государственной власти. На мой взгляд, стоит выделить два феномена. Первый — это процесс расслоения институтов политического представительства, которые были основой традиционной

«демократической» модели. Ее основные аксиомы — плюрализм политических партий, конкуренция между политическими программами, свободный выбор избирателя между соперничающими элитами — превратились в неясные, часто формальные утверждения. Парламент перестал выполнять представительные и законодательные функции, будучи вытеснен «правительством», которое стремится закрепить в своих руках все властные функции. Воля исполнительной власти была заменена на волю (исключительно выдуманную) «суверенного народа», а доктрина «народного суверенитета» превратилась в тотемическую маску, как об этом заявлял Ганс Кельзен.

Второй феномен — растущее давление на граждан со стороны исполнительной власти. В общественной жизни доминируют отдельные политико-экономико-финансовые элиты, которые служат частным интересам. Этот **«новый транснациональный капиталистический класс» доминирует в процессах глобализации с высоты хрустальных башен мировых мегаполисов.** А система партий превращается в небольшой аппарат, который является источником своей же легитимности и источником продвижения интересов крупных промышленных и финансовых компаний.

Доктрина «плюралистической демократии» вместе с «восприимчивостью и подотчетностью» исполнительной власти была заменена на авторитарный популизм, который процветает благодаря инструментам массовых коммуникаций

В этом виде «постдемократическая» власть выполняет контрольные и репрессивные функции в отношении поведения ча-

стных лиц. В западных странах государство всеобщего благоденствия находится в процессе исчезновения, наблюдается рост полицейского контроля над населением со стороны как государственных, так и частных структур, увеличение сегрегации самых бедных слоев населения, **постоянный рост числа заключенных. Мы переходим, как писал Лоик Вакан, от социального государства к уголовному государству.**

Насколько мне известно, единственной попыткой в незападных странах создать политическую модель, альтернативную либеральной демократии, является проект под названием «Asian values» в Индийско-тихоокеанском регионе. Такие страны, как Сингапур, Малайзия, Тайланд, приняли попытку создать политические структуры, альтернативные демократии и черпающие вдохновение в конфуцианской традиции.

■ *В современном государстве система взаимодействия элит и управляемых ими социумов достаточно серьезно меняется. Как можно охарактеризовать этот процесс?*

Сегодня внутри западных демократий не существует идеолого-политических элит в том виде, в котором их себе представляли классики — Макс Вебер, Йозеф Шумпетер, Роберт Даль. Доктрина «плюралистической демокра-

тии» вместе с «восприимчивостью и подотчетностью» исполнительной власти была заменена на **авторитарный популизм, который**

процветает благодаря инструментам массовых коммуникаций. Политические партии, выступающие в качестве бюрократического аппарата государства, договариваются между собой и с другими участниками корпоративной полиархии, не признавая над собой контроля или санкций и гарантируя себе помимо этого самофинансирование огромных размеров. Я лично не вижу никаких надежд на восстановление отношений между гражданами и «демократическими элитами».

Нельзя забывать и про феномен терроризма: я имею в виду двойственный феномен войн и агрессий (англо-американские войны против Ирака, войны США и НАТО на Балканах, современная война против Афганистана) и неизбежный террористический ответ исламского мира (кто-то сказал, что «террорист — это тот, кто был затерроризирован»). В нашем мире, начиная с Хиросимы и Нагасаки, легитимным является террор, а уж никак не глобальное гражданское общество.

Ассиметричный, выборочный и не интерактивный характер электронных коммуникаций в будущем не изменится. Не увеличится возможность пользователей ни выбирать получаемую информацию, ни критиковать ее содержание. Автономность пользователей будет подвергаться все большему риску, поскольку стратегии мультимедийных коммуникаций будут больше использовать незаметное убеждение. **Политические коммуникации, зависящие от телевизионного рейтинга, от театральности и от отдельных личностей, будут иметь все меньше рационального содержания.** Систематически используя телевидение, политические лидеры будут обращаться к гражданам-потребителям, предлагая последним свои «продукты» согласно четкой стратегии телевизионного маркетинга.

В нашем мире, начиная с Хиросимы и Нагасаки, легитимным является террор, а уж никак не глобальное гражданское общество

■ *Гражданское общество складывалось в борьбе с притязаниями государства на расширение собственных полномочий. В настоящий момент государства постепенно глобализируются, но одновременно наблюдается и появление глобального гражданского общества. Каким образом будет протекать совместное параллельное развитие таких «глоба-государств» и «глоба-обществ»?*

Если под глобальным государством подразумевается структура, обладающая мировой централизованной властью, которая была бы сконцентрирована в руках одного правительства, представляющего в той или иной степени ожидания и интересы мирового населения, то такого сегодня не существует. «Глоба-государство» не может быть неоимперским государством, в котором доминировала бы политическая власть одной сверхдержавы.

Не вижу я и признаков формирования глобального гражданского общества. Мир поделен на группу сильных держав и на огромнейшую группу бедных и беднейших стран. Двадцать процентов богатых стран поглощают девяносто процентов всемирного богатства, производимого в год, в то время как двадцать процентов бедных стран довольствуются одним процентом. И ситуация ухудшается с каждым днем.

■ *Современная демократия была порождена и теми средствами коммуникации, которые появились в новое и новейшее время. В ближайшем будущем специалисты прогнозируют появление новых средств и форм коммуникации. Как вы полагаете, окажут ли данные изменения значимое влияние на эволюцию сложившихся форм демократии?*

Нет никаких сомнений в том, что главную роль в трансформации западной «демократии» сыграли средства массовых коммуникаций, в частности телевидение. Мультимедийный бизнес рукоплещет новым информационно-технологическим прорывам, как это было в начале эры интерактивных коммуникаций. Положительным последствием якобы является рост политической культуры и компетенции, а также создание новых форм народного участия в политике. Благодаря использованию новых сложных аппаратов и систем, системы опроса общественного мнения, автоматических программ по получению обратной связи, кабельного телевидения, граждане могут заниматься ежедневным политическим «сделай сам». **Электронная агора, говорят, перестанет быть мифом и воплотится в виде «демократии сиюминутных референдумов». На мой взгляд, причин для оптимизма нет.**

Нельзя отрицать, что Всемирная сеть в кратчайшие сроки превратилась в эффективнейший инструмент распространения культурной, научной, экономической и политической информации, а также в инструмент коммуникации между людьми. Однако в том, что касается последствий в области политического взаимодействия и интеграции, мнения расходятся. Есть эксперты, и я принадлежу к их числу, которые обращают внимание на недостаток времени, внимания и знаний, имеющихся в распоряжении у людей, необходимых для политического участия (и это несмотря на развитие Интернета). Не стоит забывать, что новые технологии усилили мировое неравенство. Так называемый цифровой разрыв делит «глобализованный» мир на две части. К Интернету подключено шесть процентов мирового населения. В Европе в 41 раз больше пользователей Интернета, чем в Африке, несмотря на то, что население Африки на 100 миллионов больше. В США и Канаде живет шестьдесят процентов пользователей Интернета, в то время как в Африке и на Ближнем Востоке проживает всего два процента. ■

Беседовала Юлия Нетесова